Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Хохлова Алина Александровна

ВЛИЯНИЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ АРАБСКИХ МОНАРХИЙ

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени кандидата политических наук

научный руководитель:
доктор исторических наук
Коротаев Андрей Витальевич

Москва – 2023

Постановка исследовательской проблемы

После 2010 г. арабский мир пережил ряд дестабилизационных процессов, которые изменили ход социально-политического развития, как минимум, во всем регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). В 2011 г. Арабская весна оказала значительный дестабилизационный эффект на ряд арабских республик, приведя к падению режимов[1] сразу в четырех из них – в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, а также к полномасштабной гражданской войне в Сирии. Несмотря на высокий уровень региональной социально-политической нестабильности монархические страны продемонстрировали устойчивость в течение больше чем десятилетие после Арабской весны[2].

С одной стороны, некоторые специалисты в области выживаемости автократий предвещали скорый конец режимов монархических стран БВСА после падения «пожизненных арабских президентов»[3] в республиках[4], другие уверены в неизбежности наступления этих событий даже через десятилетие с начала Арабской весны[5].

С другой стороны, еще до 2011 г. исследователи обращали внимание на особую устойчивость монархий[6] БВСА, при этом о монархической форме правления как о факторе социально-политической стабильности государств

---

[1] Термин «режим» используется в следующих значениях: 1) социальный характер и порядок отношений между управляющими и управляемыми, а также методы и эффективность господства в целом; 2) недемократическая политическая группировка, находящаяся у власти.

[2] Kerr M.H. Commemorating the 10th Anniversary of the Arab Uprisings // Carnegie Middle East Center. – 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://carnegie-mec.org/2021/04/07/commemorating-10th-anniversary-of-arab-uprisings-event-7600 (date of access: 26.05.2022).

[3] Owen R. The rise and fall of Arab presidents for life. Harvard University Press, 2014.

[4] На заре восстаний и после 2013 г. исследователи предвещали падение режимов монархий в ближайшие годы (максимальный прогнозированный срок пребывания правящих режимов у власти составлял пять лет, см., например: Davidson C. After the Sheikhs: the coming collapse of the Gulf monarchies. Hurst, London, 2013), либо предвещалось, что в ближайшем будущем монархические режимы БВСА будут переживать серьезный политический кризис (см.: Al-Rasheed M. Saudi regime resilience after the 2011 Arab popular uprisings // Contemporary Arab Affairs. – 2016. – Vol. 9, № 1. – P. 13-26).

[5] Elkahlout G., Hadid A. Stable Jordan: How a monarchy survived disorder // Asian Affairs. – 2021. – Vol. 52, № 4. – P. 852-871.

[6] В данной работе «монархия», «монархическая форма правления» и «монархические страны» используются как взаимозаменяемые понятия. Монархия определяется как форма правления, при которой имеется наследственный глава государства с пожизненным сроком полномочий в соответствии с принятой практикой и / или конституцией (нельзя провозглашать себя монархом), где его полномочия варьируются от номинальных до абсолютных.

региона в работах не говорилось[7]. Исследуя устойчивость тех или иных политических систем, а также механизмы сохранения власти тех или иных недемократических правителей, специалисты в области выживаемости автократий в первую очередь обращали внимание на такие политологические показатели как уровень государственной состоятельности, либо тип политического режима[8]. События 2011 г. и последующих лет показали, что падение или выживание государств БВСА после Арабской весны зависит не столько от типа политического режима или от уровня государственной состоятельности, сколько от формы правления в регионе[9].

В связи с социально-политической нестабильностью 2011 г. в БВСА и полярностью ее результатов в литературе стали появляться первые количественные кросс-национальные исследования, в которых изучалось влияние монархии на уровень социально-политической дестабилизации в регионе на выборке, ограниченной преимущественно 2006 и 2010 гг. – т.е. до социально-политических дестабилизационных процессов Арабской весны[10]. В этих исследованиях утверждается, что монархия является стабилизирующим фактором в БВСА, при этом что происходит со стабилизирующей способностью монархий БВСА во времени, сохраняется ли она, ослабевает или усиливается, остается неизвестным.

Предлагаемое исследование решает теоретическую задачу, с одной стороны, с помощью введения понятия «стабилизационной способности монархий БВСА» с определением ее основных параметров.

---

[7] См., например: Byman D., Green J. The enigma of political stability in the Persian Gulf monarchies // Middle East Review of International Affairs. – 1999. – Vol. 3, № 3. – P. 20-37; Herb M. All in the family: absolutism, revolution, and democracy in Middle Eastern monarchies. Suny Press, 1999.

[8] Подробнее о монархии как типе политического режима см. раздел «Степень научной разработанности проблемы» Введения.

[9] В своем диссертационном исследовании российский политолог Л.М. Исаев также считает наличие высокого уровня дестабилизации в первом десятилетии XXI в. стабилизирующим фактором для стран БВСА в 2011-2013 гг. (так, события 2003 г. в Ираке, гражданская война в Ливане 1975-1990 гг., гражданская война в Алжире 1991-2002 гг.), см.: Исаев Л. М. Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации: диссертация... кандидата политических наук. М., 2014.

[10] См., например: Menaldo V. The Middle East and North Africa's resilient monarchs // The Journal of Politics. – 2012. – Vol. 74, № 3. – P. 707-722; Bischof D. Fink S. Repression as a double-edged sword: resilient monarchs, repression and revolution in the Arab world // Swiss Political Science Review. – 2015. – Vol. 21, № 3. – P. 377-395; Guillen M. Symbolic unity, dynastic continuity, and countervailing power: monarchies, republics, and the economy // Social Forces. – 2018. – Vol. 97, № 2. – P. 607-648.

Практическая значимость исследования состоит в изучении характеристик и причин динамики стабилизационной способности монархий БВСА во времени (с учетом дестабилизационных лет Арабской весны и после нее).

Полученные результаты и предложенные подходы могут углубить понимание политических аналитиков и лиц, принимающих политические решения, факторов выживаемости автократий, в частности в регионе БВСА, и в условиях региональной социально-политической нестабильности. Результаты тестов могут быть полезны при разработке сценариев социально-политической нестабильности в долгосрочной перспективе применительно к региону.

Степень научной разработанности проблемы

В фокусе предлагаемого исследования находится изучение особенностей, характеристик стабилизационной способности монархий БВСА во времени, а также исследование динамики этого показателя и причин этой динамики. Для реализации данного проекта целесообразно рассмотреть следующие два больших направления литературы: по выживаемости автократий, включая наиболее важные разделы по институциональным особенностям выживаемости автократий и политической экономии недемократических режимов, а также особенностям политических режимов региона.

К классическим трудам по институциональным факторам выживаемости автократий относятся работы Дж. Броунли[11], Р. Винтроба[12], Дж. Ганди[13], Дж. Ганди и А. Пшеворский[14], Б. Геддес[15], Б. де Мескиты и

[11] Brownlee J. Authoritarianism in the age of democratization. N.Y., Cambridge University Press, 2007; Ibid. And yet they persist: explaining survival and transition in neopatrimonial regimes // Studies in comparative international development. –2002. – Vol. 37, № 3. – P. 35–63; Ibid. Portents of pluralism: how hybrid regimes affect democratic transitions // American journal of political science. – 2009. – Vol. 53, № 3. – P. 515–532.

[12] Wintrobe R. Dictatorship: analytical approaches // The Oxford handbook of comparative politics / C. Boix, S.C. Stokes (Eds.). N.Y., Oxford University Press, 2007. P. 363– 394.

[13] Gandhi J. Political institutions under dictatorship. N.Y., Cambridge University Press, 2008.

[14] Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorship // Economics & politics. – 2006. – Vol. 18, № 1. – P. 1–26; Ibid. Authoritarian institutions and the survival of autocrats // Comparative political studies. – 2007. – Vol. 40, № 11. – P. 1279–1301.

[15] Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. Palo Alto, CA. – 1999. – Vol. 2. – P. 115-144.

др.[16], Б. Магалони[17], А.Ю. Мельвиля[18], М. Сволика[19], Б. Смита[20], Ч. Тилли[21], С. Хантингтону[22], Н. Эзроу и Е. Франц[23]. Обширная литература посвящена процессам и механизмам, с помощью которых недемократические правители получают и поддерживают лояльность своих сторонников после прихода к власти, а также стабилизируют свое пребывание у власти в рамках кейсовых исследований стран БВСА[24].

Среди исследователей, внесших вклад в изучение проблем политической экономии недемократических режимов, здесь будут названы А.С. Ахременко[25], Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон[26], Дж. Бадер[27], К. Грин[28], Дж. Райт[29], Дж. Райт и А. Эскриба-Фольч[30]. Стоит отдельно упомянуть многочисленные исследования на тему влияния наличия запасов

---

[16] de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. The logic of political survival. MIT press, 2005; de Mesquita B., Smith A. The dictator's handbook: why bad behavior is almost always good politics. Hachette UK, 2011.

[17] Magaloni B. Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge, Cambridge University Press, 2006; Ibid. Credible power-sharing and the longevity of authoritarian rule // Comparative political studies. –2008. – Vol. 41, № 4-5. – P. 715–741; Ibid. The game of electoral fraud and the ousting of authoritarian rule // American journal of political science. – 2010. – Vol. 54, № 3. – P. 751–765.

[18] Мельвиль А.Ю. Зачем Царю Горы хорошие институты? // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 151-169.

[19] Svolik M. Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes // American journal of political science. – 2009. – Vol. 53, № 2. – P. 477–494; Ibid. The politics of authoritarian rule. Cambridge University Press, 2012.

[20] Smith B. Life of the party: The origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // World politics. – 2005. – Vol. 57, № 3. – P. 421–451.

[21] Тилли Ч. Демократия. М., Институт общественного проектирования, 2007.

[22] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., «Прогресс-Традиция», 2004.

[23] Ezrow N., Frantz E. The politics of dictatorship: institutions and outcomes in authoritarian regimes. Boulder, Lynne Rienner, 2011.

[24] Kamrava M. Non-democratic states and political liberalization in the Middle East: a structural analysis // Third World Quarterly. – 1998. – Vol. 19, № 1. – P. 63-85; Schlumberger O. (Ed.). Debating Arab authoritarianism: dynamics and durability in nondemocratic regimes. Stanford University Press, 2007.

[25] Ахременко А.С. К политической экономии автократических режимов: динамическая математическая модель // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / Под общ. ред.: О. В. Гаман-Голутвина; науч. ред.: Л. В. Сморгунов. М., Аспект Пресс, 2015. С. 307-324; Ахременко А.С., Локшин И. М., Юрескул Е. А. Экономический рост и выбор политического курса в недемократических режимах: «Недостающее звено» // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2015. – Т. 3, № 78. – С. 50-74.

[26] Robinson J., Acemoglu D. Why nations fail: the origins of power, prosperity and poverty. London, Profile, 2012; Acemoglu D., Robinson J. A. Economic origins of dictatorship and democracy. Cambridge University Press, 2006.

[27] Bader J. Propping up dictators? Economic cooperation from China and its impact on authoritarian persistence in party and non-party regimes // European Journal of Political Research. – 2015. – Vol. 54, № 4. – P. 655-672; Bader J., Faust J. Foreign aid, democratization, and autocratic survival // International Studies Review. – 2014. – Vol. 16, № 4. – P. 575-595.

[28] Greene K. The political economy of authoritarian single-party dominance // Comparative political studies. –2010. – Vol. 43, № 7. – P. 807–834.

[29] Wright J. Do authoritarian institutions constrain? How legislatures affect economic growth and investment // American Journal of Political Science. – 2008. – Vol. 52, № 2. – P. 322-343. Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic breakdown and regime transitions: a new data set // Perspectives on politics. – 2014. – Vol. 12, № 2. – P. 313-331.

[30] Wright J., Escribà-Folch A. Authoritarian institutions and regime survival: transitions to democracy and subsequent autocracy // British Journal of Political Science. – 2012. – Vol. 42, № 2. – P. 283-309.

энергоресурсов на выживаемость политических режимов и их устойчивость ввиду особенностей экономик Аравийских монархий и некоторых арабских республик, среди этих трудов можно отметить работы М. Альбертус и В. Меналдо[31], С. Абер и В. Меналдо[32], В. Меналдо[33], Р. Оти[34], М. Росса[35] и К. Цуи[36].

Исследования по социально-экономическим и политическим факторам Арабской весны, а также о причине синхронизации дестабилизационных процессов с 2011 г. в БВСА принадлежат представителям различных направлений социальных исследований. Особо значимый пласт отечественных работ, написанных на эту тему, является результатом многолетней работы в области изучения феномена Арабской весны группой исследователей Центра изучения стабильности и рисков[37] Факультета социальных наук НИУ ВШЭ под руководством А.В. Коротаева[38]. Одна из наиболее убедительных точек зрения отечественного исследователя состоит в объяснении «ловушки на выходе из ловушки», в которой оказалось большинство стран БВСА в начале XXI в.[39]. При этом другие сходятся в том, что Арабская весна явилась следствием действия целой совокупности

---

[31] Albertus M., Menaldo V. The political economy of autocratic constitutions // Constitutions in Authoritarian Regimes / T. Ginsburg, A. Simpser (Eds). N.Y., Cambridge University Press, 2014. P. 53-82.

[32] Haber S., Menaldo V. Do natural resources fuel authoritarianism? A reappraisal of the resource curse // American Political Science Review. – 2011. – Vol. 105, № 1. – P. 1-26.

[33] Menaldo V. The institutions curse: Natural resources, politics, and development. Cambridge University Press, 2016.

[34] Auty R. Natural resources and civil strife: a two-stage process // Geopolitics. – 2004. – Vol. 9, № 1. – P. 29-49; Ibid. The political economy of resource-driven growth // European economic review. – 2001. – Vol. 45, № 4-6. – P. 839-846.

[35] Ross M. Blood barrels -Why oil wealth fuels conflict // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, № 3. – P. 2–8; Ibid. Does oil hinder democracy? // World politics. – 2001. – Vol. 53, № 3. – P. 325-361; Ibid. The political economy of the resource curse // World politics. – 1999. – Vol. 51, № 2. – P. 297-322.

[36] Tsui K. More oil, less democracy: Evidence from worldwide crude oil discoveries // The Economic Journal. – 2011. – Vol. 121, № 551. – P. 89-115.

[37] Бывшая Лаборатория мониторинга рисков социально-политической нестабильности НИУ ВШЭ (прим. автора).

[38] Цирель С.В. Революции, волны революций и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. М., ЛКИ/URSS, 2012. С. 128–161; Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. The Arab spring: a quantitative analysis // Arab Studies Quarterly. – 2014. – Vol. 36, № 2. – P. 149-169; Korotayev A., Zinkina J. Egyptian revolution: a demographic structural analysis // Entelequia. Revista Interdisciplinar. – 2011. – Vol. 13. – P. 139-169.

[39] Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Кобзева С.В., Зинькина Ю. В. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем // Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы / Под ред. А.А. Акаева, А.В. Коротаева, Г.Г. Малинецкого, С. Ю. Малкова. М., Красанд / URSS, 2011. С. 45–88.

факторов[40]. Особо выделяются такие факторы как роль медиа[41], слабость частного сектора в арабских странах[42] и волна роста цен на продовольствие 2010-2011 гг.[43]. Иные исследования показали значимость политических (тип политического режима, внутриэлитный конфликт, неэффективность инструментов передачи власти, легализация политической деятельности исламистских движений), социальных (межплеменные, межконфессиональные конфликты и противоречия), демографических (демографические структурные риски, например, «молодежный бугор», безработица среди молодежи с высшим образованием и т. д.), исторических (масштабные конфликты в прошлом и ближайшем будущем), экономических (например, вторая волна инфляции) и некоторых социально-психологических факторов, спровоцировавших нестабильность 2011 г.[44].

Среди отечественных исследователей, занимающихся изучением социально-политической дестабилизации стран БВСА в 2011-2020 гг., можно выделить работы А.М. Васильева[45], Л.Е. Гринина[46], Ю.В. Зинькиной[47],

---

[40] Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом // Азия и Африка сегодня. – 2011. – Т. 12, № 8. – С. 8-16; Campante F., Chor D. Why was the Arab world poised for revolution? Schooling, economic opportunities, and the Arab Spring // Journal of Economic Perspectives. – 2012. – Vol. 26, № 2. – P. 167-88.

[41] Khondker H. Role of the new media in the Arab Spring // Globalizations. – 2011. – Vol. 8, № 5. – P. 675-679.

[42] Malik A., Awadallah B. The economics of the Arab Spring // World Development. – 2013. – Vol. 45. – P. 296-313.

[43] Rosenberg D. Food and the Arab Spring // Meria Journal. – 2011. – Vol. 15, № 3. – P. 1-16.

[44] Билюга С.Э. Тип режима и индексы социально-политической нестабильности: опыт количественного анализа // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 95-112; Grinin L., Korotayev A. Does “Arab Spring” mean the beginning of world system reconfiguration? //World futures. – 2012. – Vol. 68, № 7. – P. 471-505; Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Islamism, Arab spring, and the future of democracy. Cham: Springer, 2018; Hussain M., Howard P. What best explains successful protest cascades? ICTs and the fuzzy causes of the Arab Spring // International Studies Review. – 2013. – Vol. 15, № 1. – P. 48-66; Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Под ред. А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькиной, А.С. Ходуновой. М., Издательство ЛКИ/URSS, 2012. С. 28–76; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. – 2011. – Т. 4, № 2. – С. 5-29; Malik A., Awadallah B. The economics of the Arab Spring // World Development. – 2013. –Vol. 45. – P. 296-313; Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. Regime type and political destabilization in cross-national perspective: a re-analysis // Cross-Cultural Research. – 2017. – Vol. 51, № 1. – P. 26-50; Steinert-Threlkeld Z. Spontaneous collective action: Peripheral mobilization during the Arab Spring // American Political Science Review. – 2017. – Vol. 111, № 2. – P. 379-403.

[45] Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Интернет-Революции или просто фитна: к десятилетию «Арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 529-542.

[46] Гринин Л.Е. Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, К.В. Мещериной. Волгоград: Учитель, 2016. С. 191-239.

[47] Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года...

Л.М. Исаева[48], Г.Г. Косача[49], В.А. Кузнецова[50], Р.Г. Ланда[51], Е.С. Мелкумян[52], М.А. Сапроновой[53], К.М. Труевцева[54], Л.Л. Фитуни[55], И.А. Царегородцевой[56], А.Р. Шишкиной[57], Э.Э. Шульца[58].

Противоречащая общему тренду социально-политическая стабильность отдельных стран БВСА обосновывалась многими причинами: традиционными, религиозными и социальными особенностями, сложившихся в отдельных странах региона еще до дестабилизации 2011 г.[59].

---

[48] Исаев Л.М. От фитны к сауре: метаморфозы арабо-мусульманских протестных движений // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2017. – № 2. – С. 146-156; Тот же. Генералы ушли, генералы вернулись: египетской революции - три года // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 1. – С. 123-132; Тот же. Арабская весна и исламское государство // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2013. – № 5. – С. 199-215.

[49] Косач Г.Г. Саудовская Аравия и "арабская весна" // Свободная мысль. – 2012. – № 5-6. – С. 91-101; Тот же. Саудовская Аравия: внутренние истоки терроризма //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 91-101.

[50] См., например: Кузнецов В.А., Звягельская И.Д. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 3 (285) – С. 133-149; Те же. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 6-23.

[51] Ланда Р.Г. Исламизм и арабская “политическая весна” // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 1. – С. 53-65; Тот же. Трагический финал «арабской политической весны» // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 5 (263). – С. 124 -142.

[52] Мелкумян Е.С. Кувейт: внутриполитическая ситуация после Арабской весны // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 74-84; Тот же. Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2018. – № 2 (12). – С. 92-104.

[53] Сапронова М.А. Особенности конституционного строительства в Тунисе и Египте после «арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 30-38.

[54] Труевцев К.М. «Арабская весна» — ход, акторы, технология и промежуточные итоги // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2012. – № 1 (64). – С. 21-32.

[55] Фитуни Л.Л. " Арабская весна": трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 3-14.

[56] Царегородцева И.А. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // Islamology. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 122-137.

[57] Шишкина А.Р. "Арабская весна": сценарии, основные акторы, движущие силы // Политическая наука. – 2014. – № 4. – С. 116-130.

[58] Шульц Э.Э. Управление социальным протестом как технология и содержание "Арабской весны" // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 1. – С. 89-96.

[59] Так, например, до Арабской весны в центре внимания ученых оказывались факторы выживаемости как монархий, так и не-монархий, без разделения на группы стран по форме правления, ведь и те, и другие демонстрировали завидную стабильность вопреки третьей «демократической волне» С. Хантингтона. Так, например, А. Биллингсли в своей монографии, опубликованной еще до дестабилизационных процессов 2011 г., утверждал, что в арабском обществе в целом сложилась антипатия к любому роду социально-политической нестабильности и даже традиционная толерантность к недемократическому правлению. Он отмечал два фактора, способствовавших стабильности режимов арабских монархий и республик: трайбализм и ислам (см.: Billingsley A. Political succession in the Arab world: constitutions, family loyalties and Islam. Routledge, 2009. P. 3.). Авторство одного из наиболее цитируемых тезисов о стабильности режимов монархий БВСА принадлежит американскому политологу М. Гербу, который называет основным фактором стабильности некоторых режимов этих стран наличие ключевых портфелей государственных должностей в руках членов королевских семей. В.Е. Донцов и Т.А. Чурилина видят основной фактор выживаемости монархий БВСА во влиянии силовых структур монархий БВСА, как и К. Райан и В.М. Ахмедов, показывая это на примере Иордании (см.: Донцов В.Е., Чурилина Т.А. Политические системы монархий Аравийского полуострова // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского.

Также стоит отметить, что в литературе по выживаемости автократий БВСА еще до 2011 г., а также после Арабской весны прослеживается разделение стран на те, что с обильными запасами природных ресурсов[60], и без них. При этом стоит отметить, что результаты кросс-национальных исследований на тему взаимосвязи между национальными ресурсными богатствами и социально-политической стабильностью являются неоднозначными[61]. К группе «нересурсных» стран относятся и некоторые монархии БВСА: Иордания и Марокко. В разных исследованиях рассматривались «комплексы инструментов» стабилизации этих «нересурсных» режимов[62], которые сводились, в том числе, к традиционной

М., АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 185-231; Ахмедов В.М. Военные, власть и политический ислам на Ближнем и Среднем Востоке. Проблема региональной стабильности // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2006. – № 3.– С. 71-88; Ryan C. The armed forces and the Arab uprisings: The case of Jordan // Middle East Law and Governance. – 2012. – Vol. 4, № 1. – P. 153-167).

[60] Проблема влияния энергетических ресурсов на социально-политическую стабильность стран является неоднозначной. Изначально преобладало мнение о «ресурсном проклятье», т.е. убеждение, что этот фактор препятствует демократизации и модернизации общества (см.: Ross M. Does oil hinder...), ведет к внутренней вооруженной насильственной дестабилизации (см.: Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. – 2004. – Vol. 56, № 4. – P. 563-595) и является причиной медленного экономического роста (см.: Sachs J., Warner A. Natural resource abundance and economic growth // Development Discussion Paper 517a. Cambridge, MA, Harvard Institute for International Development, 1995)[60]. С другой стороны, исследователи склонны трактовать роль углеводородных запасов в монархиях региона через теорию «государства-рантье» как стабилизирующую, благодаря ей эти страны покупают лояльность населения через щедрые социальные программы и другие экономические привилегии, а также поддерживают лояльность и боеспособность силовых структур (см.: Gause F.G. Oil monarchies: domestic and security challenges in the Arab Gulf states // Council on Foreign Relations. – 1994. P. 42-45).

[61] См., например, работы, в которых обильные запасы энергоресурсов ведут к дестабилизации (т.е., в которых обильные запасы ресурсов являются «ресурсным проклятьем»): Ross M. A closer look at oil, diamonds, and civil war // Annual Review of Political Science. – 2006. – Vol. 9. – P. 265-300; Humphreys M. Natural resources, conflict, and conflict resolution: uncovering the mechanisms // Journal of conflict resolution. – 2005. – Vol. 49, № 4. – P. 508-537; Fearon J. Primary commodity exports and civil war // Journal of conflict Resolution. – 2005. – Vol. 49, № 4. – P. 483-507. В других работах показано, как обильные запасы энергоресурсов приводят к работе модели «государства-рантье», в которых режимы используют ренту для обеспечения покровительства, широкомасштабной распределительной политики и эффективной работы репрессивного аппарата, поэтому фокус этих работ был перенаправлен на механизмы и условия, при которых срабатывает модель «ресурсного проклятья», см., например: Collier P., Hoeffler A. Resource rents, governance, and conflict // Journal of conflict resolution. – 2005. – Vol. 49, № 4. – P. 625-633. В третьей группе объяснений влияния обильных запасов природных ресурсов на уровень социально-политической дестабилизации отмечается нелинейная зависимость. Так, напр., в совместной работе М. Баседо и Дж. Лей приходят к выводу, что между зависимостью от энергоресурсов (оперируем в виде индикатора дохода от энергоресурсов на душу населения) и внутренней дестабилизацией существует U-образная зависимость (Basedau M., Lay J. Resource curse or rentier peace? The ambiguous effects of oil wealth and oil dependence on violent conflict // Journal of peace research. – 2009. – Vol. 46, № 6. – P. 757-776).

[62] См., например: Фаязова С.С. Сравнительный анализ социально-политических процессов в Египте и Марокко в контексте демократизации // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10, № 5-6. – С. 411-417; Lucas R. Monarchical authoritarianism: survival and political liberalization in a Middle Eastern regime type // International Journal of Middle East Studies. – 2004. – Vol. 36, № 1. – P. 107-108.

легитимности и исламистскому характеру правящих режимов, а также свойственной обществам БВСА клановости[63].

Опубликованные с событий Арабской весны академические работы по социально-политической стабильности монархий БВСА можно условно разделить на следующие семь групп объяснений: через институциональные особенности монархической формы правления[64], традиционную и религиозную легитимность правящих в монархиях режимов[65], исламистскую идеологию режимов монархий региона[66], оптимальный уровень репрессий, используемый правящими монархическими режимами БВСА[67], внешнее покровительство монархиям региона[68], доступ к углеводородной ренте, запасами которых наделено большинство монархий региона[69], и уникальные для каждой монархии БВСА факторы[70].

С начала Арабской весны исследователи обратили внимание на монархию как фактор стабильности в БВСА и стали применять количественные методы в изучении ее влияния на социально-политическую

---

[63] Maghraoui D. The strengths and limits of religious reforms in Morocco // Mediterranean Politics. – 2009. – Vol. 14, № 2. – P. 195-211; Орлов В.В. "Выборная" монархия? Клятва верности (бай'а) и личность султана в истории алауитского Марокко (XVIII-XIX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2009. – № 4. – С. 28-44; Al Oudat M.A., Alshboul A. “Jordan First”: tribalism, nationalism and legitimacy of power in Jordan // Intellectual Discourse. – 2010. – Vol. 18, № 1. – P. 65–96.

[64] Berti B., Guzansky Y. Gulf monarchies in a changing Middle East: is spring far behind? // Orbis. – 2015. – Vol. 59, № 1. – P. 35-48; Derichs C., Demmelhuber T. Monarchies and republics, state and regime, durability and fragility in view of the Arab Spring // Journal of Arabian Studies. – 2014. – Vol. 4, № 2. – P. 180-194; Lawrence A. Kings in a Democratic Age: Collective Protest and the Institutional Promise of Monarchy // APSA Annual Meeting Paper. – 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2454601 (date of access: 02.12.2020);_Stavestrand E. Freedom and stability in contemporary monarchies: testing the theory of monarchical exceptionalism: dissertation thesis. The University of Bergen, 2013; Stenslie S. Regime stability in Saudi Arabia: the challenge of succession. Routledge, 2012.

[65] Bank A., Richter T., Sunik A. Durable, yet different: monarchies in the Arab Spring // Journal of Arabian Studies. – 2014. – Vol. 4, № 2. – P. 163-179; Mednicoff D. Arab monarchical stability and political liberalization: connections between Morocco and Jordan // Jordan in Transition, 1990–2000 / G. Joffé (Ed.). London: Hurst, 2002. P. 91-110.

[66] Sparkes J. Morocco as a hub of globalised traditional Islam // Religions. – 2022 (date of access 03.03.2022); Švedkauskas Ž. Facilitating Political Stability: Cohabitation of non-legalistic Islam and the Moroccan monarchy // Studia Orientalia Electronica. – 2017. – Vol. 5. – P. 1-26.

[67] Bischof D., Fink S. Op. cit.

[68] Yom S., Gause III F. Resilient royals: how Arab monarchies hang on // Journal of Democracy. – 2012. – Vol. 23, № 4. – P. 74-88.

[69] Bank A., Richter T., Sunik A. Durable, yet different…; Beck M., Hüser S. Jordan and the ‘Arab spring’: no challenge, no change? // Middle East Critique. – 2015. – Vol. 24, № 1. – P. 83-97; Ryan C. R. The armed forces and the Arab uprisings: the case of Jordan // Middle East Law and Governance. – 2012. – Vol. 4, № 1. – P. 153-167.

[70] См., например, про факторы устойчивости режима Иордании при относительно высоком уровне дестабилизации (сопоставимом с турбулентностью в Египте и Тунисе в 2011 г.): Beck M., Hüser S.Op. cit.

динамику стран региона[71]. На базе опубликованных количественных исследований представляется возможным констатировать консенсус среди исследователей в том, что монархическая форма правления в регионе БВСА в хронологических рамках, ограниченных преимущественно 2006 и 2010 гг., т.е. до дестабилизационных процессов Арабской весны, обладает неким стабилизационным эффектом[72], при этом влияние Арабской весны на социально-политическую стабильность арабских монархий осталось неохваченным полем исследования.

Основной исследовательский вопрос

Каково влияние Арабской весны на политическую стабильность Арабских монархий?

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования заключается в изучении характеристик и причин динамики стабилизационной способности монархий БВСА во времени. Для достижения обозначенной цели предполагается выполнить следующие задачи:

1) концептуализировать и операционализировать понятие «стабилизационная способность монархий БВСА»;
2) выявить особенности динамики среднего уровня социально-политической дестабилизации монархий БВСА через сравнение показателей с аналогичными для республик БВСА до и после 2010 г., ранжировать монархии региона по уровням дестабилизации;
3) определить влияние Арабской весны на стабилизационную способность монархий БВСА с учетом дестабилизации Арабской весны и последующих лет (т.е. в 1950-2017 гг.);

[71] См., например, Menaldo V. The Middle East and North Africa....; Bank A., Richter T., Sunik A. Op. cit.; Bischof D., Fink S. Op.cit.; Westberg M. Monarchy and Effective Governance: the success of Middle Eastern monarchies and the Arab Spring: dissertation thesis. Georgia State University, 2017; Moller F. S. Blue blood or true blood: why are levels of intrastate armed conflict so low in Middle Eastern monarchies? // Conflict Management and Peace Science. – 2019. – Vol. 36, № 5. – P. 517-544; Guillen M. F. Op. cit.

[72] См., например: Menaldo V. The Middle East and North...; Bischof D. Fink S. Op. cit.; Guillen M. F. Op.cit.

4) измерить и сравнить динамику «стабилизационной способности монархий БВСА» до и после 2010 г. (1950-2010 гг. и 2011-2017 гг.) и определить причины динамики;
5) выявить динамику стабилизационной способности монархий БВСА во время Арабской весны и после неё (с 2011 г.) и определить ее причины.

Теоретические основы исследования и исследовательские гипотезы

В данной работе тестируются три основные исследовательские гипотезы.

Первая гипотеза должна определять взаимосвязь между монархией и социально-политической стабильностью стран БВСА, включая период после 2010 г. Предполагается, что монархическая политическая культура[73] продолжает играть стабилизирующую роль в странах региона в хронологических рамках, включая события Арабской весны и после нее.

Ввиду того, что сильная отрицательная связь между переменными монархии и уровнем социально-политической дестабилизации до 2006 г. объяснялась вышеупомянутой особой политической культурой, а также учитывая, что в течение десятилетия после Арабской весны правящие режимы монархий БВСА продолжают находиться у власти, мы предполагаем, что этот фактор сохраняет своё стабилизирующее действие в 2007-2017 гг.

Таким образом, мы выдвигаем первую исследовательскую гипотезу следующим образом:

H#1: на выборке 1950–2017 гг. корреляция между монархией и уровнем социально-политической дестабилизации будет либо на

[73] Здесь под монархической политической культурой имеется ввиду особый, свойственный лишь для региона БВСА социальный контракт между правительством и населением. Определение политической культуры представлено в работе В. Меналдо (см. Menaldo V. Op. cit…. P. 709). Подробнее об использовании понятия «политическая культура» в отечественном публичном дискурсе см. Малинова О.Ю. Политическая культура в российском научно и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. – 2006. - № 5. – С. 106-128.

такой же по силе, либо еще сильнее, чем в тестах В. Менaлдо[74] ввиду сохранения действия стабилизационного параметра монархии[75] в виде монархической политической культуры после 2010 г.

Вторая гипотеза должна определять динамику стабилизационной способности монархий БВСА во времени, а именно до и после начала Арабской весны. Она базируется на предположении о характере монархических элит и роли общей идеологии элит монархических стран. В общем и целом, элиты монархий малочисленнее элит в не-монархиях, и, в отличие от республик, являются более идеологически объединенными, так как каждый ее член склонен, в первую очередь, защищать исключительную монархическую идеологию, заключающуюся, в общих чертах, в Богом-дарованным ему эксклюзивных правах на передачу власти по наследству вне зависимости от результативности правления. Предполагается, что благодаря большей интегрированности и сплочённости элит, обусловленной обозначенным идеологическим единением и размером правящей коалиции, элиты монархий БВСА смогли выстоять массовую социально-политическую дестабилизацию 2011-2013 гг.

К настоящему времени исследователи отмечают, что элиты могут быть разъединенными, идеологически объединенными и консенсусно объединенными, среди этих трех типов именно идеологически объединенные элиты оказываются наиболее стабильными среди трех типов[76]. Высокий уровень интеграции элит и низкий уровень их разобщенности, что в большей степени характерно для идеологически объединенных элит, являются ключевыми факторами долгого недемократического правления. Низкий уровень элитарной разобщенности отмечается в тех элитных кругах, где их члены имеют малую степень автономии друг от друга и от государства. Недемократический режим будет более долговечным, если его правление

[74] Ibid. P. 713.
[75] О параметрах стабилизационной способности монархии см. в разделах «Результаты исследования» и «Положения, выносимые на защиту».
[76] Higley J. Elite theory and elites // Handbook of politics / K.T. Leicht, J.C. Jenkins (Eds.). Springer, New York, 2010. P. 163-166; Kailitz S., Stockemer D. Op.cit.

возглавляет такая малочисленная группировка с общими ценностями и верованиями, сильно интегрированная в режим[77]. Одним из таких типов режима выступает монархический режим[78].

Наиболее универсальное отличие монархического режима от других недемократических режимов заключается в том, что монарх имеет пожизненное право на правление вне зависимости от его результативности[79]. Члены монархической семьи могут бороться между собой за право наследования трона, но перед угрозой подорвать их право на огромные привилегии со стороны аутсайдеров (не принадлежащих к их семье), наследуемые ими по праву монархического происхождения, они будут сохранять еще большее сплочение, деля всех на «своих и чужих» по признаку монархического происхождения. Предполагается, что подобное поведение монархических элит ожидаемо в острых фазах «массовой протестной» дестабилизации.

Принимая во внимание выживание монархических режимов БВСА в 2011-2013 гг. и после Арабской весны, мы формируем вторую гипотезу следующим образом:

> ***H#2***: стабилизационная способность монархий БВСА будет сильнее после начала Арабской весны, нежели до 2010 г. Ее рост объясняется особенностями монархических элит, такими как меньший размер правящей коалиции, а также большая интегрированность и сплоченность ввиду их идеологически-объединенного характера.

Третья теория исследования используется для построения гипотезы о том, на какой период именно после 2010 г. и почему приходится изменение динамики стабилизационной способности монархий БВСА (если это

---

[77] Ibid. P. 1-24; Higley J., Burton M. G. Types of political elites in postcommunist Eastern Europe // International politics. – 1997. – Vol. 34, № 2. – P. 153-168.

[78] Очень важно отличать султанистские режимы от монархических режимов. Подробнее о султанистских режимах см. Chehabi H.E., Linz J.J., Chehabi H.E. (ed). Sultanistic regimes. – JHU Press, 1998. В отличие от первых, власть недемократических правителей в монархических режимах определенным образом ограничена «красными линиями». Подробнее об этом смотри Lucas R. Op. cit.

[79] Lust-Okar E., Jamal A. A. Rulers and rules: reassessing the influence of regime type on electoral law formation // Comparative Political Studies. – 2002. – Vol. 35, № 3. – P. 353; Richards A., Waterbury J. A Political Economy of the Middle East. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

изменение имеет место)[80]. Предполагается, что на указанном периоде динамика стабилизационной способности будет расти во время эскалации уровня «вооруженной насильственной дестабилизации», порожденной исламистским экстремизмом в регионе.

Мы считаем, что тот факт, что существующие монархические режимы БВСА являются в той или иной степени более исламистскими, нежели республики региона, снижает уровень социально-политической дестабилизации в этих странах во время кризисов. Известно, что, как и сами исламисты, все монархии БВСА в определенной степени используют некоторые аспекты исламской доктрины. Эта особенность препятствует исламистской оппозиции, существующей в том или ином виде во всех странах БВСА, вести борьбу с правящими режимами под лозунгом ислама. В 2010-х гг. в БВСА именно исламисты выступали в качестве главной дестабилизирующей силы (намного превосходящей по своей эффективности силы светской оппозиции)[81]. «Светские режимы активно, а иногда даже безжалостно боролись с желанием исламистов влиять на население, но исламистам было гораздо легче добиться более широкой народной мобилизации против них, обвиняя эти режимы в анти-исламистской политике»[82]. В отличие от не-монархий правящие монархические режимы еще до событий Арабской весны установили монополию на воплощение «правильных» исламских социально-политических идей на национальных уровнях. «Монархии используют в своем нарративе и практике специфические аспекты исламской доктрины, определяющие культурную, социальную и политическую организацию соответствующих стран вкупе с атавистическими и символическими концепциями, такими как концепция о справедливом обществе, возрождении Халифата или воплощении норм

[80] Здесь мы вынуждены забежать вперед и оговориться, что стабилизационная способность монархии БВСА сильнее после 2010 г. Поэтому, соответственно, для определения причин роста показателя после 2010 г. мы более детально изучаем его динамику на периоде 2011-2018 гг.
[81] Grinin L. Islamism and globalization //Journal of Globalization Studies. – 2019. – Vol. 10, № 2. – P. 21-36.
[82] Ibidem. P. 25.

шариата в жизнь, что наделяет режимы религиозным правом на власть»[83], а также не дает оппозиционным исламистским силам использовать против них аргументы в «неисламском» правлении[84].

Таким образом, третья гипотеза данного исследования, объясняющая динамику стабилизационной способности монархий БВСА после 2010 г. может быть сформулирована следующим образом:

> ***Н#3:*** стабилизационная способность монархий БВСА растет во времена социально-политических потрясений, связанных с эскалацией деятельности радикальных исламистов в 2013-2015 гг. (проявлявшейся, прежде всего, в виде экспансии исламистских террористических образований, выступающих под флагами ИГ[85] и аль-Каиды[86]).

Говоря об ограничениях предлагаемого диссертационного исследования, в первую очередь мы подчеркиваем следующие:

терминологические: вводимая концепция «стабилизационная способность монархий БВСА» имеет узкую региональную специфику, она основывается на сопоставлении с не-монархиями региона. Таким образом, проблема концептуализации универсального понятия остается предметом дальнейших исследований;

хронологические: проведенные тесты по изучению влияния Арабской весны на стабилизационную способность монархий БВСА и динамики этого показателя до и после 2010 г. ограничены 2017 г. и не включают бурные процессы третьей дестабилизационной волны, которая затронула те страны, что миновала в начале десятилетия, наиболее яркими кейсами можно назвать Алжир (Революция улыбок 2019-2021 гг.) и Ирак (протесты 2019-2021 гг.). При этом, учитывая, что к концу 2022 г. все режимы[87] монархий сохранили

---

[83] Wiktorowicz Q. (ed.). Islamic activism: A social movement theory approach. Indiana University Press, 2004. P.16.
[84] Hinnebusch R. Op. cit. P. 13.
[85] Исламское государство (ИГ) – террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации.
[86] Аль-Каида – террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации.
[87] Здесь имеется ввиду понятие «режим» не как «установленный порядок», а как «правящая группировка».

свои позиции у власти, считаем, что полученные на выборке до 2017 г. результаты остаются относительно релевантными;

методические: предлагаемая в данном исследовании операционализация вводимого понятия стабилизационной способности монархий БВСА через нестандартизированный коэффициент ß является лишь одним из возможных вариантов его измерения. Предлагаемая операционализация априори требует множество единиц наблюдений и, желательно, на макровыборке, зависит от набора контрольных переменных и не предполагает возможность сравнения разных моделей, а также возможность проведения иных количественных или качественных методов исследования, кроме регрессионного анализа. Вполне возможно, что в рамках отдельной работы возможно создание «индекса монархической стабильности» на основе предлагаемых в диссертационной работе параметров стабилизационной способности монархии БВСА.

Эмпирическая база исследования

Основными эмпирическими данными для формирования контрольных переменных послужили базы данных Всемирного банка[88], Проекта Мэддисона[89], Отдела народонаселения ООН[90], Pew Research Center[91], FX Empire[92], British Petroleum[93].

Основным источником данных по уровням социально-политической дестабилизации является база CNTS[94], которая задействована для формирования зависимой переменной, а также построения ряда

---

[88] World Development Indicators Online. Washington DC: World Bank. [Электронный ресурс]. URL: http://data.worldbank.org/indicator/ (date of access: 20.11.2020).

[89]Maddison Database 2010. University of Groningen. 2020. [Электронный ресурс]. URL:https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018 (date of access: 20.11.2020).

[90] UN Population Division. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database. 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/esa/population (date of access: 20.11.2020).

[91] Muslim Population by Country. Pew Research Center. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pewforum.org/2011/01/27/table-muslim-population-by-country/. (date of access: 20.11.2020).

[92] Syria GDP annual Growth Rate. FX Empire. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fxempire.com/macro/syria/gdp-annual-growth-rate (date of access: 20.11.2020).

[93] Statistical Review of World Energy – 2020 edition. BP. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/downloads.html (date of access: 20.11.2020).

[94] Banks A.S., Wilson K.A. Cross-National Time-Series Data Archive. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cntsdata.com/ (date of access: 20.11.2020).

описательных графиков. Также была задействована база Global Terrorism Database[95], из которой были получены данные по количеству террористических атак и числу убитых в террористических атаках для построения описательных графиков динамики вооруженной насильственнной дестабилизации. Данные по массовой протестной дестабилизации были взяты из Mass Mobilization in Autocracies Database[96] и Mass Mobilization Protests Database[97].

Статистический анализ является основным **методом**, задействованным в предлагаемой работе. В ней используются описательная статистика, регрессионный анализ и тест Чоу.

Научная новизна и вклад в предметное поле

Научная новизна данного исследования выражается в следующем:

1. в работе концептуализируется и операционализируется понятие «стабилизационная способность монархии БВСА»;
2. в диссертации впервые критически оценивается релевантность использования концепции «ближневосточный монархический авторитаризм» после 2011 г., и приводятся аргументы в пользу отказа от её использования после 2010 г.;
3. в исследовании впервые проводится общий критический анализ актуальности существующих факторов устойчивости монархических автократий БВСА после Арабской весны;
4. в работе впервые сравнивается динамика средних уровней социально-политической дестабилизации в арабских монархиях и республиках до и после нестабильности 2011 г., приводится описание этой динамики и ее возможные объяснения, ранжируются монархии региона по уровням социально-политической нестабильности;

[95] Study of Terrorism and Responses to Terrorism. Global Terrorism Database. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.start.umd.edu/gtd/ (date of access: 07.07.2022).

[96] Croicu M., Weidmann N. Improving the selection of news reports for event coding using ensemble classification // Research & Politics. – 2015. – Vol. 2, № 4. – P. 1-8; Weidmann N. B., Rød E. G. The Internet and political protest in autocracies. Oxford University Press, 2019.

[97] Mass Mobilization Protests Data. Binghamton University. 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.binghamton.edu/massmobilization/ (date of access: 21.10.2020).

5. в исследовании впервые приводится периодизация социально-политической нестабильности в БВСА после Арабской весны с точки зрения вида дестабилизации;
6. в диссертации теоретически обосновывается и эмпирически тестируется новая гипотеза о том, что Арабская весна не смогла ослабить стабилизационную способность монархий БВСА;
7. в диссертации теоретически обосновывается и эмпирически тестируется новая гипотеза о динамике стабилизационной способности монархий БВСА во времени: а именно до и после Арабской весны, а также после 2010 г., приводится возможное объяснение выявленной динамики стабилизационной способности монархий БВСА.

Положения, выносимые на защиту

1. «Стабилизационная способность монархий БВСА» определяется как региональная способность монархии гарантировать более низкий уровень социально-политической дестабилизации по сравнению с не-монархиями БВСА при условии наличия общего для региона социально-политического дестабилизационного импульса. Эта способность обеспечивается следующими параметрами: монархической политической культурой и особенностями монархических элит БВСА (заключающимися в небольшом размере правящей коалиции и её идеологически-объединенным характером, а также более исламистской идеологией правящих режимов).

2. После 2010 г. критерии Р. Лукаса[98] для выделения монархий БВСА в один подтип недемократического режима «ближневосточного монархического авторитаризма» оказываются недостаточными, объединение монархий БВСА в один подтип недемократического режима является неактуальным после 2010 г.

3. Арабские монархии в целом более стабильны, нежели не-монархии региона, наиболее нестабильными монархическими странами

[98] Lucas R. Op. cit.

БВСА после 2010 г. оказались Бахрейн и КСА; в Иордании, Кувейте и Марокко наблюдается повышенный уровень массовой протестной[99] дестабилизации; ОАЭ, Катар и Оман можно отнести к наиболее стабильным монархиям БВСА. Период дестабилизации, начавшийся в 2011 г. в БВСА, условно делится на три этапа: первый этап – массовой протестной дестабилизации 2011-2013 гг., второй этап – вооруженной насильственной дестабилизации ввиду экспансии ИГ и Аль-Каиды в 2013-2015 гг., третий этап – новая волна массовой протестной дестабилизации с 2016 г.

4. Арабская весна не ослабила стабилизационную способность монархий БВСА, что объясняется сохранением стабилизационного эффекта монархической политической культуры[100].

5. Стабилизационная способность монархий БВСА в 2011-2017 гг. сильнее, чем в 1950-2010 гг., после Арабской весны режимы монархий БВСА смогли удержаться у власти благодаря особенностям монархических элит. В 2013-2015 гг., во время роста вооруженной насильственной дестабилизации в регионе, наблюдается рост стабилизационной способности монархий БВСА, что подтверждает значимость роли более исламистской идеологии правящих монархий БВСА в деле сдерживания рисков социально-политической нестабильности, исходящих от исламистских образований.

Апробация результатов

Методология и эмпирическая база исследования разрабатывалась и присутствовала в одноименном с названием предлагаемой диссертации исследовательском проекте «Влияние Арабской весны на социально-политическую стабильность арабских монархий» (номер проекта 20-311-90004), реализуемом с помощью РФФИ[101].

Основы теоретических конструкций исследования были апробированы в рамках выступлений на следующих конференциях и семинаре:

---

[99] Под «массовой протестной» дестабилизацией в данной работе будут иметься ввиду формы социально-политической нестабильности преимущественно мирного характера, сводящиеся к демонстрациям, забастовкам и протестам.

[100] Определение монархической политической культуры приводится в разделе «Теоретические основы и выдвигаемые гипотезы исследования».

[101] Российского фонда фундаментальных исследований.

1. доклад «Факторы политической устойчивости ближневосточных монархий: литературный обзор» был представлен 25 ноября 2020 г. на XIX Конференции Школа молодых африканистов, проводимой Институтом Африки РАН;
2. доклад «Ближневосточный монархический авторитаризм: проблема релевантности концепции» был представлен 2 декабря 2020 г. на Конференции «Перспективы процессов дестабилизации на Ближнем Востоке и в Северной Африке: до и после пандемии», проводимой Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН;
3. доклад «Исламские монархии, молодежный бугор и социально-политическая дестабилизация: кросс-национальный анализ» был представлен в соавторстве с профессором А.В. Коротаевым на «Апрельской конференции», проводимой «Национальным исследовательским университетом «Высшая Школа Экономики» 21 апреля 2021 г. (Секция М-21-3. Сравнительные исследования – 1);
4. доклад: «Влияние Арабской весны на социально-политическую стабильность арабских монархий» представлен на научныом семинаре аспирантской школы политических наук НИУ ВШЭ, 9 февраля 2022 г. (Москва, НИУ ВШЭ).

Материалы работы апробированы во время ведения семинаров в рамках следующих курсов:

- «Конфликты и взаимодействие на Востоке» у 5-го курса бакалаврской ОП «Востоковедение», преподаваемом в течение 2-го модуля 2021 г. на Факультете Мировой экономики и Мировой политики Национального исследовательского университета «Высшей Школы Экономики»;
- «Islamic Factor in the Development of Eastern Civilizations» [«Исламский фактор в развитии Восточных цивилизаций»] читаемого ОП «Востоковедение», преподаваемом в течение 3-4-х

модулей 2022 г. на Факультете Мировой экономики и Мировой политики Национального исследовательского университета «Высшей Школы Экономики».

Публикации по теме исследования

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в ведущих международных рецензируемых научных изданиях, в том числе рекомендованных НИУ ВШЭ:

1. Хохлова А.А. Особенности динамики социально-политической дестабилизации монархий БВСА до и после «Арабской весны» // Азия и Африка сегодня. 2022. №. 3. С. 50-58.
2. Korotayev A.V., Khokhlova A.A. Effect of the Arab Spring on Stabilization Capacity of the MENA Monarchies // Journal of Asian and African Studies. 2022. Vol. 57, № 2. P. 289-307.
3. Хохлова А.А. Существует ли «ближневосточный монархический авторитаризм» после «арабской весны»? // Азия и Африка сегодня. 2020. №. 9. С. 64-70,

а также в иных изданиях:

4. Хохлова А.А., Коротаев А.В. Исламские монархии, молодежный бугор и социально-политическая дестабилизация. Кросс-национальный анализ // В кн.: Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Отв. ред.: Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Вып. 11. Издательство "Учитель", 2020. С. 239-264.
5. Хохлова А.А. Факторы политической устойчивости ближневосточных монархий: литературный обзор. В *Материалы XIX Всероссийской конференции Школы молодых африканистов «Российско-африканские отношения: история, достижения, вызовы и новые горизонты сотрудничества».* 25. 11. 2020. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/materialy_xix_vshma.pdf (дата обращения: 02.12.2020).

Сжатое изложение основного содержания диссертации

В 2011 г. Арабская весна оказала значительный дестабилизационный эффект на ряд арабских стран. Несмотря на высокий уровень региональной социально-политической нестабильности все монархии региона сумели выстоять во время и после Арабской весны. События 2011 г. и последующих лет показали, что падение или выживание автократий в БВСА зависит не столько от типа режима или уровня государственной состоятельности, сколько от формы правления в регионе. После начала Арабской весны внимание к монархии стало более пристальным, было доказано, что монархия имеет стабилизирующий эффект на выборке стран БВСА и во временных рамках, ограниченных 2006 или 2010 гг. При этом сохраняется ли эта стабилизирующая способность со временем, усиливается или ослабевает? В исследовании представлена попытка изучения характера стабилизационной способности монархий БВСА и причин её динамики во времени.

В работе предлагается к введению в академический дискурс понятие «стабилизационная способность монархий БВСА», которое концептуализируется как региональная способность монархии гарантировать более низкий уровень социально-политической дестабилизации по сравнению с тем, что имеет место в не-монархиях в условиях общего для региона социально-политического дестабилизационного импульса. Мы приходим к выводу, что стабилизационная способность монархий БВСА определяется следующими параметрами:

— монархической политической культурой;
— исламистской идеологией правящих режимов;
— присущим монархическим элитам особенностям, заключающимся в относительной немногочисленности этих элит и их идеологически-объединенному типу.

С помощью анализа ряда графиков динамики средних уровней социально-политической дестабилизации монархий и республик БВСА, в том

числе отдельно вооруженной насильственной дестабилизации и массовой протестной дестабилизации, мы смогли убедиться в том факте, что монархии БВСА в целом более стабильны нежели не-монархии региона.

Представляется возможным выделить следующие особенности динамики социально-политической дестабилизации монархий после 2010 г.:

— динамика социально-политической дестабилизации монархий БВСА после 2010 г. имеет волнообразный вид, что доказывает способность этой формы правления в регионе «купировать» дестабилизационные риски;
— в моменты дестабилизационных пиков монархий региона, (2011, 2015 и 2017 гг.), социально-политическая дестабилизация фиксируется лишь в отдельных государствах БВСА с монархической формой правления, в то время как во время дестабилизационных пиков в республиках БВСА (2011, 2014, 2016 и 2018 гг.) достаточно выраженная социально-политическая нестабильность фиксируется во всех не-монархиях региона без исключения;
— самыми нестабильными монархиями БВСА после 2010 г. оказались страны с наличием острых суннитско-шиитских конфессиональных противоречий, это Бахрейн и КСА, что обусловлено наиболее высоким уровнем вооруженной насильственной дестабилизации, зафиксированном в этих странах, среди подгруппы монархий региона. В Иордании, Кувейте и Марокко наблюдается наивысший уровень массовой протестной дестабилизации среди стран подгруппы на протяжении указанного периода. Общий уровень социально-политической дестабилизации в этих странах оказывается существенно ниже, чем в Бахрейне и КСА, но выше, чем в ОАЭ, Катаре и Омане, составляющих третью группу стран с минимальными средними уровнями социально-политической нестабильности в 2011-2018 гг.

В нашем исследовании были представлены три основные исследовательские гипотезы.

Первая гипотеза предполагает, что корреляция между монархией и уровнем социально-политической дестабилизации CNTS в период, включая Арабскую весны и годы после нее, будет в том же направлении и так же сильна, что и в тестах, проведенных на выборке до Арабской весны (ввиду предположения о продолжении действия сдерживающего дестабилизацию параметра монархической политической культуры).

В результате репликации теста В. Меналдо на выборке, включая дестабилизационные события после 2010 г., мы получили подтверждение нашей первой гипотезы: Арабская весна не повлияла отрицательно на стабилизационную способность монархий. На выборке 1950–2017 гг. показатель нестандартизированного коэффициента β для переменной монархии на выборке 1950-2017 гг. с фиксированным эффектом на годы составляет (–3.707) при высоком уровне значимости (<0.001), что выше полученного В. Меналдо показателя нестандартизированного коэффициента β в (-2.116) при равном уровне значимости (<0.001) на выборке 1950-2006 гг., т.е. за пять лет до Арабской весны. Полученные результаты показывают, что монархическая политическая культура, представляющая из себя особый социально-политический контракт между правящими элитами и населениями этих стран, который формируют формальные политические институты, исламские принципы и неформальные нормы, продолжает сохранять стабилизационный эффект.

Вторая теоретическая основа опирается на предположение, что идеологически объединенная и менее многочисленная, че в не-монархиях, монархическая элита с общими ценностями и верованиями, сильно интегрированная в режим, может оказаться устойчивее других недемократических элит в БВСА во время социально-политических потрясений, особенно массового протестного характера, что может указывать на рост стабилизационной способности монархий региона после 2010 г.

Сравнение нестандартизированных коэффициентов β категориальной переменной монархии на двух разных временных выборках, а именно до и

после 2010 г., показывает, что стабилизационная способность монархии БВСА выше после событий Арабской весны, нежели до 2010 г., в полтора раза. Тест Чоу подтверждает наличие структурного сдвига после 2011 г. для модели, демонстрирующей влияние монархии на уровень социально-политической нестабильности в БВСА (F value > F crit более чем в 8 раз). Результат подтверждает нашу гипотезу о росте стабилизационной способности монархий БВСА после 2010 г. благодаря другому стабилизирующему атрибуту монархий БВСА – особенностям монархических элит в этих странах, которые сводятся к идеологически-объединенному характеру элитарной коалиции и сравнительно небольшой численности ее членов.

Наконец, в рамках третьей теоретической основы говорилось о важности исламистского характера правящих элит монархий БВСА в деле сдерживания исламистской оппозиции на внутринациональных аренах. Мы предположили, что период роста стабилизационной способности монархий БВСА после начала Арабской весны совпадает с периодом роста исламистской террористической угрозы в регионе в 2013-2015 гг.

В результате изучения динамики стабилизационной способности монархий БВСА после 2010 г. мы обнаружили разницу в уровнях динамики социально-политической нестабильности и числа убитых в террористических атаках в монархиях и республиках БВСА после 2010 г., а именно в период 2013-2014 гг.: в то время как число убитых в террористических атаках для обеих групп стран ожидаемо растет в указанный период, с динамикой интегрального индекса социально-политической нестабильности CNTS дела обстоят иначе, а именно наблюдается рост динамики для республик в 2013-2014 гг., когда тренд в монархиях БВСА в этот период сохраняется на прежнем пониженном уровне. Полученный результат говорит о том, что рост стабилизационной способности монархий БВСА после 2010 г. совпадает с периодом экспансионистской деятельности исламистских террористических групп, выступающих под флагами ИГ и аль-Каиды, в регионе. Таким образом, подтверждается значимость роли исламистской идеологии

правящих монархий БВСА в деле сдерживания рисков социально-политической нестабильности, исходящих от исламистских образований.

Мы считаем важным отметить нежелательность использования широко задействованной в академическом дискурсе концепции «ближневосточный монархический авторитаризм» после 2010 г. ввиду ее нерелевантности после Арабской весны. Критерии уникальности монархических режимов БВСА, предложенные Р. Лукасом, оказываются несовременными для монархий БВСА после Арабской весны (в частности, в характеристике об ограниченной массовой мобилизации), а также могут быть применены к другим монархиям мира, например недемократическим монархиям ЮВА.

Период дестабилизации, начавшийся в 2010 г. в БВСА, условно делится на три этапа: первый этап – массовых протестов 2011-2013 гг., второй этап – вооруженной насильственной дестабилизации ввиду экспансии исламистских террористических движений в 2013-2015 гг., третий этап – новая волна массовых протестов с 2016 г.